

Рашит Закиров

Василька

Время шло к обеду; на кухне хозяйничали две хозяйки, обе в одинаковых вышитых передниках, на головы были повязаны одинаковые косынки, чтобы исключить попадание волос в приготовляемый продукт.

Младшая из хозяек, девочка младшего школьного возраста, толкла в кастрюле только что сваренную картошку; старшая хозяйка, дородная женщина бальзаковского возраста, месила тесто. Возле них вертелся белообрый мальчуган лет четырёх с мухойкой в руке.

Он оглядывался по сторонам в поисках мух и, увидав добычу, пускался на её уничтожение; каждый его промах сопровождался оскорбительными эпитетами в адрес насекомых:

— Ну, козёл!

— Василька, не мешайся тут,— одёргивала его мать,— иди в зал, а то разобьёшь что-нибудь.

— А там нет мух, я их там всех убил.

Послышался удар мухойкой, звон падающей посуды, убитая наповал муха отлетела и плюхнулась в миску с молоком, стоявшую на столе.

— Ну мам!..— возмутилась девочка.

— Чертёнок ты белообрый!

Мать обезоружила истребителя мух и шлёпнула его по заднице его же оружием. Удар был не сильный, но меру дисциплинарного воздействия проказник воспринял с пониманием.

Весёлый и озорной мальчуган тут же превратился в обиженного нытика, усиленно пытавшегося выжать из себя слезу. Он весь надулся, нахмурился, скривил губки, как это умеют делать дети и капризные дамы; шлепок не тянул на рёв или плач, но надо было как-то выразить свой решительный протест против наказания, явно несоразмерного, по его мнению, тяжести содеянного, поэтому он просто негромко заныл через силу, пытаясь вызвать к себе хоть немного жалости.

— Доча, это молоко вылей котёнку, а налей другое и поставь греться.

— А?— мальчонка наострил уши, перестав ныть.— Сё говоришь?

— Мама, а почему в картошку надо горячее молоко лить, а не холодное?

— Если лить холодное, то пюре получится жидким и серым, невкусным, а если тёплое, то получится пышным, воздушным.

— А?— мальчуган вновь напрягся, перестав ныть.— Сё сказала?

— Да не тебе, пострелёнок,— обратилась к нему мать.— Любопытный такой, всё тебе слышать надо.

Мальчуган снова заныл, а мать взяла огромную чугунную сковороду и поставила на плиту.

— Папка, наверное, опять поздно придёт,— высказала предположение девочка.

— Если вообще придёт,— пробурчала хозяйка.— Сейчас я буду катать лепёшки, а ты жарь их на сковородке,— сказала она дочери.

— А?— мальчик опять перестал ныть и прислушался.— Сё говоришь?

Видя, что на него не обращают внимания, он вновь заныл, при этом старался не пропустить ни одного сказанного слова.

Видя, что нытьём женщин не одолеть, мальчуган перешёл к шантажу.

— Не хотите со мной зыть—и не надо,— забубнил он.— Вот уеду в Маклаково, будете знать.

— Езжай, езжай, хоть сегодня,— ответила мать, раскатывая тесто.— В какую сторону ехать, хоть знаешь?

— Туда,— мальчонка живо и уверенно ткнул пальцем в окно.

— Кто тебя там кормить-то будет?

— А сё?— надулся пострелёнок.— Я сам буду кусать.

Хозяйки были увлечены стряпнёй, поэтому не обратили внимания на слабый звук автомобильного двигателя и не услышали звука отворяемой калитки. Лишь когда в сенях послышались шаги, старшая хозяйка промолвила:

— Вот и папа приехал.

Шалун тут же преобразился, он забыл свою роль наказанного озорника, вернулся в своё привычное состояние, побежал в зал, выскочил оттуда с игрушечным пистолетом в руке и, увидев вошедших, закричал:

— Тф, тф, тф!

Потом осёкса, выкатив глазёнки, и заверещал: — Мама! Это не папа, а какой-то сюзой дядя.

И он так же стремительно убежал на кухню под мамину защиту.

Из кухни выглянула хозяйка. Она увидела вошедших, и лицо её расплылось в улыбке, а в глазах

сверкнули озорные искорки; глаза у неё смеялись всегда, даже когда она сердилась или ругалась.

— Ой! Кто к нам приехал! — запричитала она и принялась обниматься с гостем, боясь запачкать того в муке. — Давно носу не казал, зазнался, поди, городской. А Валерка-то как вырос! — она потрепала племянника по голове.

Она повернулась к сыну и сказала ему:

— Никакой это не чужой дядя, а твой дядя Коля, он всех заколет, переколет, выколет, — подразнила она брата детской дразнилкой. — Иди, Василёк, поздоровайся с дядей.

— А тётя Катя всем накатит, перекатит, выкатит, — не остался в долгу гость. — Ну, привет, бультинчик¹, — обратился он к подбежавшему мальчонке и протянул руку. — Давай знакомиться. Я — дядя Коля. А ты кто?

— Ты бультинчик, и я бультинчик, — ответил мальчуган и хлопнул по протянутой руке.

— А годиков тебе сколько?

Мальчуган не удосужился ответить, он резко повернулся и с криком: «Сикать, сикать!» — побежал к двери, где стоял детский горшок.

— Да недосуг всё было, время-то какое — сама знаешь, — стал оправдываться гость, — всё по командировкам, только успевай крутиться. Я ведь по случаю Ленку отвозил к своим, тёща сильно захворала, вот и взяла отпуск, заодно и вас решил навестить. А хозяин где?

— Да пьёт, небось, где-нибудь опять. Где ещё ему быть? — всплеснула она руками. — Да вы проходите, располагайтесь, я как раз стряпала. Подождите чуток, потом пообедаем. И Генка авось к обеду подойдёт, если ещё не надрался где-нибудь.

Николай выложил из сумки гостинцы, передал сестре и прошёл в зал, осматриваясь. Проходя мимо кухни, он увидел племянницу возле плиты.

— Привет, — поприветствовал он юную хозяйку. — Ты — Люба? Младшая, да?

— Да, — подтвердила она. — Здравствуйте.

— Как ты выросла! Ты меня не помнишь, видимо, маленькая была ещё, когда я последний раз приезжал.

— А я вас по фотографии знаю, — заулыбалась она, — из альбома, где вы с мамой вместе стоите.

— А старшие где?

— Вера у бабушки гостит, — ответила за неё мать, — а Надюшка где-то с девчонками бегает, на речке, наверное.

— Катька! — раздалось из зала. — А что, Генка часто бухает?

— Да почитай каждый день балдой, — донеслось из кухни, — а то и совсем вдрабадан напивается. Зимой ещё не так, а летом прямо алкаш алкашом. И куда ему она лезет? — бурчала она.

— Пойду я покурю, — сказал Николай сестре, — не буду вас отвлекать, а то не получится ничего.

Он вышел во двор, сел на крыльцо в тени, закурил. Во дворе всё было по-прежнему, как и десять, двадцать лет назад.

Возле забора сидели гуси, изредка пощипывая растущую рядом траву, в сарае топтался телёнок. Около сарая была насыпана куча фуражного зерна, стоя на которой, курица не спеша клевала зерно. Она не клевала всё подряд, а клюнет пару раз, потом поскребёт лапками в поисках самых жирных зёрен, опять лениво клюнет и вновь гребанёт лапками в поисках жемчужного зёрнышка.

Он усмехнулся: ну клюй подряд, зерна ведь море, — но она выбирала самые крупные, лучшие зёрна; ведь мы тоже не щёлкаем семечки все подряд, а автоматически берём самую крупную, а в конце остаётся мелочь.

Из дома выскочили мальчишки. Василька побежал по двору, на ходу махая рукой, как пропеллером, изображая самолёт, распугал всех гусей, которые, возмущённо гогоча, кинулись врассыпную, курицу, клевавшую зёрна, которая, кудахча и маша крыльями, убежала в сарай.

— Ты куда собрался? — одёрнул сына отец.

— Сбегаю к Дюше, узнаю, как там они.

— Погоди, поедим, потом пойдёшь.

— Да я быстро.

— Ага, знаю я твои «быстро», ищи потом тебя в соседних деревьях. Пообедаем, и ты свободен, как волны в море. Да и дома его, поди, нет, дружба твоего: в такую жару кто же дома сидит?

— А я, когда маленький был, боялся телёнка, — подбежав к дяде, сообщил Василька, — думал — укусит. — Ну, — с важным видом поинтересовался дядя, глядя на этого крошечного мужичка, — а теперь, конечно же, ты большой?

— Да, — не оставил в этом сомнений мальчонка.

— Папка-то где?

— На свалке.

— На свалке? — удивился дядя, пытаясь вспомнить, где в окрестностях села образовалась свалка. — Что ему там надо?

— Нисево не надо, Малину повезли, он всегда там с Алкаской, иногда и спит там.

— У алкашки? — не поверил Саня своим ушам и задумался.

— А это у вас «Калина», да, как у Алкаски? — Василька показал на машину.

— Никакая не «Калина», — обиделся Валерик за отцовскую иномарку, — у нас «Тойота Кроун».

— Клоун, да? Клоун?

— Сам ты — маленький клоун, — захохотал Николай, сообразив наконец-то, что зять на сварке работает с Аркашкой и туда повезли Марину.

Он сгрёб в охапку племянника и стал его тискать.

— Кем, интересно, станешь, когда вырастешь?

.....
1. Здесь — проказник, озорник.

— Когда я выласту, я большим клоуном стану и куплю такую же масыну.

— А где деньги возьмёшь на машину?

— На лаботе,— удивился мальчуган такому глупому вопросу и не понял, почему дядя опять засмеялся.

— А работа где?— продолжал пытаться дядя.

— На свалке, где же всё?

Тем временем на кухне трудились хозяйки: мать скатала большую толстую колбаску из теста и, порезав её на множество кусочков, раскатывала их в лепёшки размером с тарелку, а дочь клала их на раскалённую сковородку и пекла, время от времени прижимая вилкой появляющиеся пузыри. Потом переворачивала и пекла другую сторону, внимательно следя, чтобы лепёшка не подгорела.

По мере готовности она убирала готовую лепёшку и клала её на полотенце, расстеленное на столе.

— Доча, достань из холодильника масло.

Взяв масло, она отрезала кусок и, положив его в металлическую миску, поставила её на горячую плиту. Когда все лепёшки были готовы, они стали их начинять картофельным пюре. Дочь под бдительным присмотром матери намазывала толстым слоем картошки половину лепёшки и передавала её матери, которая складывала полученное изделие пополам и полученный полукруг смазывала со всех сторон пучком из птичьих перьев, окуная их в растопленное масло, готовые изделия складывая на тарелку одно на другое.

Остатки картофельного пюре были переложены в небольшую миску.

— Давайте к столу, пока не остыло,— наконец-то донеслось до гостей из окна, задёрнутого марлей, и отец с сыном направились в дом.

Николай проследовал к рукомойнику со словами:

— Нах дер арбайт фор дем ессен хендевашен ниht фергессен².

Валерка тоже двинулся к рукомойнику.

На столе стояла тарелка со стряпнёй, рядом — миска с растопленным маслом. Такое блюдо не могло обойтись без малосольных огурчиков, помидоров, маринованных опят, квашеной капусты, солёной черемши со сметаной, стоявших на столе.

Перед каждым едоком стояла неглубокая тарелка.

— Ого!— удивился гость.— Что это за чебуреки такие картофельные? Никогда таких не видел, тем более не ел.

— А это блюдо из татарской кухни, кыстыбыл называется. Золовка из Набережных Челнов гостила позапрошлым летом, научила. Стряпается легко и быстро, компонентов-то всего: тесто и картошка. Если картошка почищена, то через полчаса блюдо уже готово. Хотите — макайте в масло и ешьте, хотите — с огурчиками, хотите — с грибочками.

— Какое название своеобразное,— заключил Коля,— слово с тремя буквами «ы». В русском языке таких слов нет.

— Как нет?..— удивилась хозяйка.— А-а-а-а,— пыталась она припомнить хоть одно подобное слово.— Вымыты,— помогла дочь, вспомнив слово, состоявшее из местоимений.

— Вырыты,— добавила мать с удовлетворением.

— Выпытывать,— подумав, внёс свою лепту Николай, поняв, что поторопился с выводом.

— Ну ладно,— переменяла хозяйка тему разговора,— ешьте, не стесняйтесь. Может, и наш папа к обеду подойдёт. Ой!— вскочила она.— Совсем забыла! Может, пропустишь стопочку за встречу?

— Не,— замотал головой Коля, жуя полным ртом,— я же за рулём.

— Сегодня, что ли, поедешь?— обиженно спросила сестра.

— Да нет, завтра поутру, мало ли— чтобы выхлопа не было.

— Ну, до завтра всё выйдет, чего уж там.

— Да нет, не надо. Потом, ведь с Генкой всяко-разно придётся пропустить по стопарю.

— Да он ещё неизвестно придёт или нет.

В сенях послышался топот, дверь распахнулась, и в кухню с важным видом вошёл Василька, держа на ладони дохлого утёнка.

— Во,— заявил он гордо,— его надо позалить.

— О Господи!— всплеснула руками мать, увидев такое, не зная, как реагировать на происходящее.— Этого ещё не хватало. Где ты его раздобыл?

Колька среагировал адекватно:

— Ну конечно же, пожарим, какой разговор.

Он вскочил со стула, взял Василькину «добычу» и бросил её в мусорное ведро.

— Вечером обязательно пожарим с картошкой, а пока давай помоем руки, и садись с нами кушать кыстыбыл.

Он подвёл маленького «добытчика» к рукомойнику и помог ему тщательно вымыть руки, избавляя ребёнка от возможной инфекции. Пододвинув к столу табурет, он скомандовал:

— Садись, кормилец.

Василька проворно вскарабкался на табурет, взял со стола ложку, зажал её вертикально в кулаке и протянул в сторону Валерки:

— Помелимся?

Тот, подыгрывая сорванцу, протянул свою вилку.— Чем тебя, чем меня,— заявил Василька. Потом протянул в сторону дяди:— А с тобой помелимся?

Дядя протянул в его сторону свою вилку, желая принять участие в игре.

— Чем меня, чем тебя,— вынес резолюцию малец.

.....

2. «Nach der Arbeit vor dem Essen Handewacshen nicht vergessen» (нем.)— «После работы перед едой не забудь вымыть руки».

Валерка быстро съел свою пару кыстыбьев, отказался от чая и, пробурчав полным ртом благодарность, вышел вон.

Люба поела, попила молока и встала из-за стола. Она взялась было за мытьё посуды, но мать оставила её:

— Оставь, доча, пусть стоит. Вечером затопим баню, там и помоем в горячей воде.

Потом она спохватилась, взяла с другого стола вазу с вымытой черешней и поставила на стол. — Совсем забыла про твой гостинец, — и обратилась к дочери: — Кушай, доча, дядя Коля привёз.

Девочка взяла горсть ягод и оставила маму с гостем наедине, которые не спеша пили чай, делились воспоминаниями, новостями, а малыши, не обращая внимания на взрослых, по одной уплетали черешню, стоявшую на столе.

Николай, как любой взрослый, получал огромное удовольствие не от съеденного лакомства, а от одобрения его поглощения маленькими. Когда совсем крошечные котятки или щенки лакают сметану, забыв обо всём на свете, пища от восторга, фыркая, забираясь передними лапами в блюдце, мотая мордочкой и яростно сопротивляясь всеми своими силёнками, если некто подумает лишить их этого счастья.

Вся Вселенная сфокусировалась в вазе с черешней, стоявшей в середине стола. Василька со словами: «Ещё одну, да и всё», — тянул свою ручонку к лакомству, брал не первую попавшуюся, а, как курица на дворе, выбирал самую большую, брал её за плодоножку, засовывал огромную ягодку в свой крошечный ротик, оторвав плодоножку, клал её на стол перед собой и начинал жевать ягодку, перекачивая её во рту, сосредоточено жуя, уставившись куда-то в пустоту; он даже не замечал, как внимательно следит за его мимикой дядя, лишь изредка щурил свои глазёнки то ли от удовольствия, то ли от имеющейся кислинки.

Потом он глотал содержимое, вынимал изо рта косточку, клал её рядом с плодоножками, замирал на мгновение, но, получив из «командного пункта» требование новой порции эндорфина, возвращал свой взгляд на вазу и со словами: «Ещё одну, да и всё», — тянул свою ручонку за очередной ягодкой. Взяв её, он с детской наивностью верил, что уж она-то действительно последняя, но, отправив её в желудок, был бессилён против искушения съесть «ещё одну, да и всё», а рука сама тянулась к вазе.

Подобным образом ведут себя пьяницы, которые, выпив последнюю, как им кажется, стопку, не могут уйти из-за стола, не выпив ещё одну, ну точно уж последнюю.

Сестра с подробностями высказывала брату о наблевшем, пытаясь излить своё бабье горе, а Николай слушал, вставляя редкие реплики.

Что зять бухал, ему было известно давно. Но раньше он пил «как все» и особых хлопот жене

и семье не доставлял, однако в последние годы пьянки шли перманентно, одна за другой. К тому же по пьяному делу устраивал всевозможные дебоши, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. Правда, семью не терроризировал, а всю свою пьяную энергию выплёскивал на своих собутельников. Бывало, доставалось и окружающим. — Вас-то не гоняет?

— Да упаси Господь, — махнула она рукой. — Дома вроде ничего, и детей не обижает, а уж Василия любит — аж умереть готов на месте. Ведь всё попрекал, что одних девчонок рожаю, а он о наследнике мечтал. Бывало, отец его отругает, Василька хнычет, а сам бубнит: «Папа холёсий, папа холёсий». Ну, тут Генка прямо не может сдержаться от чувств, слыша такое.

У сестры одна за другой родились три дочери: Вера, Надя, Люба, — а зять, как и всякий правильный мужик, хотел иметь сына, продолжателя рода. Немного огорчился после очередных родов, хотя хорошо знал, что баба родит того, кого ей мужик сделает, однако ворчал на супругу, полагая, что она об этом не осведомлена.

— Сначала думала, что дети пойдут — одумается, — продолжала сестра изливать свою душу. — Куда уж там! Говорит: «Вот родишь сына — завяжу», — даже клялся: мол, «гадом буду». Так на радостях в запой ушёл — свёкор из роддома забирал. Так вот.

Брат слушал и сочувствовал про себя. Ему ли не знать проблему сельских мужиков? Увлечений никаких, кроме рыбалки, да и то не у всех. Вот и спаивают один другого: сначала один как бы помогает второму, хозяйка ставит пузырь, пьют оба, потом второй идёт, с понтом, помогать к первому, починить что-нибудь и пособить, крутят хозяйку на выпивку и опять пьют оба. А без пузыря в деревне никакая работа не идёт; даже если договорились о деньгах, то пузырь всё равно надо ставить.

— Я ему и лечиться предлагала, — продолжала она о наблевшем, — ни в какую: я, говорит, не алкоголик. И плакала, и ругала его — бесполезно. — Не-е-е-е, такое не сработает, — поддерживал беседу брат, в то же время размышляя о возникшей проблеме. — У него, видать, уже другая стадия наступила, для него дороже бутылки уже нет ничего. Уж сколько у меня корешей спились. — А что делать? — в её голосе послышались слёзы. — Вот хоть бы ты с ним поговорил, что ли, тебя-то он послушает, он ведь тебя уважает, даже гордится тобой.

— Да безнадежное это дело, — отмахнулся Коля, — богатого могила исправит, а алкаша две, — он продолжал в задумчивости. — Тут что-то другое нужно, экстраординарное. Если не поможет, то в наркологию, да и то если согласится. Терциум нон датур.

— Чего? — не поняла она.

— Третьего не дано, — перевёл он с латыни на русский и добавил многозначительно, подняв указательный палец вверх: — Третий закон логики.

Он вдруг вспомнил один случай, то ли кем-то рассказанный, то ли где-то вычитанный, и решил его рассказать сестре.

— Знаешь, тут может какой-нибудь мощный стресс помочь, — сделал он вступление. — У одной бабы тоже мужик сильно алкашил, спасу нет. Что только она ни делала с ним — бесполезно, за бутылку он был готов продать и Родину, и партию. А тут однажды поздно ночью притащился еле-как и тут же, не дойдя до кровати, вырубился. Баба его ночью проснулась от страшного рёва: кто-то под койкой орёт благим матом, аж в соседней деревне всех переполошил, и колотит по днюшу, а кровать деревянная была. Ну, она тут же вскочила, свет врубила, а под кроватью мужик её орёт, бьётся в истерику — видимо, закатился туда во сне. Выполз, глаза как у бешеного таракана, — он скорчил позу, какая должна быть у бешеных тараканов, и, жестикулируя, продолжил фантазировать, — волосья все поседели, торчат, как проволоки, в штанах мокро. Насилу его успокоила. Оказалось, будто приснилось ему, что он помер и его похоронили. Он проснулся — темно, холодно, руками повёл — сбоку дерево, сверху-снизу дерево. Он и решил, что в гробу лежит, что его похоронили живьём. Вот это, скажу я тебе, стресс. Как только кони не двинул там от страха?..

— Ой, как интересно! Ну и что дальше-то? — уставилась она на брата с нескрываемым любопытством.

— Ну чё, — сочинял он дальше, потому как не помнил, чем закончилась история, — мужик тот кое-как оклемался, боялись, что умом рехнулся, но больше в рот даже пива не брал, отбило желание напрочь.

— Это ж надо ведь так, — качала головой сестра.

— А уж баба рада-радехонька, говорит: мол, лучше пусть умом тронется, чем так пить.

— Правда что, — согласилась она. — Да я-то что, в гроб его должна, что ли, положить, чтоб его стресс побрал?..

— Да нет, — прихлёбывал Коля чай, — я для примера сказал. Просто сильное эмоциональное потрясение способно включить некие скрытые механизмы. А как?.. Тут уж ничего посоветовать не могу. Вот у нас в армии Олег Тряскин с вертолёта упал при десантировании, жив остался, не покалечился даже, но с тех пор начал хорошие стихи писать, хотя раньше такого за ним не наблюдалось, во!

Съев последнюю ягоду, Василька оглядел стол — нет ли поблизости ещё такой же с подобным содержанием, а Колька пожалел, что не выложил все три килограмма, он хотел продлить удовольствие и посмотреть, сколько ягод ещё может поместить его крошечное брюшко.

— Ну ладно, спасибо за угощение, — встал он из-за стола. — Всё было, как всегда, очень вкусно и сытно. Никогда не ел такого блюда, проще только пареная репа.

Тут Катерина обратила внимание на пустую вазу и всплеснула руками:

— Всё съомячил один, проглот маленький! А другим что останется?

Малыш глядел на мать такими невинными глазами, в которых можно было прочесть: «Ну я же всего одну брал, а они сами незаметно кончились». — Да не волнуйся, — смеясь, заступился дядя за маленького проглот, — я же много привёз, всем хватит. Очень уж соблазнительно уплетал, не хотелось даже останавливать, — и передразнил племянника, погладив по голове: — «Есё одну, да и всё».

Колька вышел во двор и остановился в раздумье: помочь сестре по хозяйству или сначала сходить на речку искупаться? Рассудив, что работа не волк, а солнце пока ещё в зените и ждать его не будет, решил сначала искупаться.

Когда он проходил мимо гусяного выводка, расположившегося возле ворот, гуси заволновались, гусята забеспокоились, а гусак зашипел, вытянул шею горизонтально и смело двинулся в атаку.

Колька замедлил шаг, следя за действиями «атакующего агрессора»; он знал, что гусак не посмеет вступить в неравный бой, а, видя, что его не боятся и угрозы выводку нет, сделает вид, что он просто хотел пощипать травки возле ног прохожего.

Действительно, приблизившись к «неприятелю», тот остановился, лениво ущипнул травку, потом, повернувшись, двинулся в сторону своего выводка, гордо выпрямив шею, и загоготал, трубя победу: мол, смотрите, ребятишки, как я вас защитил от этого громадного двуногого монстра, лишённого перьев. А гусята дружно похвалили отца-защитника: мол, папа, ты у нас герой.

В детстве, когда его привозили в деревню к деду, Колька панически боялся всякой живности: «кусучих и бодучих» коров, новорождённых телят, казавшихся огромными чудищами, гусей, которые норовили ущипнуть за пятки. Со временем он осмелел, видя, что телята и овечки сами его боятся, а коров можно напугать хворостиной.

Однажды он увидел, как большие деревенские мальчишки просто хватили гусяка за шею, раскручивали его вокруг и швыряли прочь от себя. Но когда он сам однажды так поступил с гусаком, то получил от деда строгое внушение, что гусь — птица ценная, полезная, охраняет своё семейство, укрепляя свой авторитет, а когда-то давным-давно они даже Рим спасли. Что такое Рим, Колька в то время не знал, но с тех пор гусей зауважал и никогда не обижал.

Валерка забежал во двор, ведя за собой ватагу деревенских ребятишек. Сказав им:

— Я быстро,—забежал в дом и через минуту уже выскочил в кимоно.

— Вот, смотрите,—и он стал им показывать то, чему успел научиться в секции карате.—Фу, фу,—резко выдыхал он, делая очередной блок.—Кия!—выкрикивал он, нанося удары воображаемым противникам, порой произнося непонятные фразы «гедан барай», «сан ран зуки», «маваси кери», «зэн-кутсу дачи» и прочее.

Мальчишки с восхищением смотрели на городского каратиста.

— Пойдём сегодня Зосю колотить?—предложил один из пацанов.

— А кто это?—поинтересовался Валерик.

— Он—украинец,—шмыгнув носом самый младший,—он всё у всех украдывает.

Тут пацаны, перебивая друг друга, стали объяснять Валерику, какой Зося мерзкий и гадкий мальчишка и почему его непременно надо поколотить.

— В общем, козёл один,—пояснил старший из пацанов и сплюнул с нескрываемой неприязнью.

Валерик не рвался в бой, исход которого был для него неочевиден, потому что не знал, насколько силен соперник, поэтому уклончиво ответил:

— Я сегодня не в форме.

Потом, вспомнив слова тренера, что предотвращённый поединок—выигранный поединок, добавил в оправдание:

— Ещё не восстановился после городских соревнований.

— А кирпичи рукой разбивать можешь?—спросил высокий чернявый хлопчик в бейсболке.

— «Учи ваза» называется,—авторитетно заявил Валерик, тем самым давая понять друзьям, что это для него знакомо,—но пока нам сенсей не разрешает это.

— Кто-кто?

— Сенсей—тренер, значит,—пояснил Валерик.— Это только с чёрного пояса можно делать,—начал «заливать» молодой каратист.

— А у тебя какой?—поинтересовался чернявый.

— Пока коричневый,—соврал Валерик, стыдливо пряча глаза; потом, бросив:—Погодите, я щас,—опять юркнул в избу.

На этот раз он выскочил во двор с нунчаками.

— Во, видали? Как у Брюса Ли.

— У Захарки тоже есть Брюс Ли,—вставил слово самый младший из мальчишек, услышав знакомое словосочетание.

— Какой Брюс Ли?—не понял каратист, о чём идёт речь.

— Ну ты же говоришь: Брюс Ли.

— А ты хоть знаешь, кто такой Брюс Ли?—пренебрежительно поинтересовался у него Валерик, глядя на него сверху вниз, пытаясь выяснить, откуда у какого-то Захарки мог появиться легендарный каратист.

— Нет,—с достоинством ответил малец, но, чтобы городской не очень-то задавался, повторил:—Но у Захарки он тоже есть.

— Да это у его брата на футболке есть Брюс Ли,—объяснил чернявый хлопчик в бейсболке,—вот он и говорит.

Валерик попросил всех отойти подальше от «театра военных действий» и стал крутить «восьмёрки» своим спортивным оружием, поясняя:

— Во, и чё ты мне сделаешь? И спереди защищён, и сзади ко мне не подойдёшь. Вот так-то,—закончил он махать нунчаками, ловя восторженные взгляды зрителей.

Потом что-то вспомнил:

— А, вот ещё.

Он пошёл под навес, осмотрелся по сторонам в поисках чего-то, подобрал кусок верёвки длиной около трёх метров и, проворно взобравшись на поленницу, привязал его конец к подстропильной балке, потом спустился и из нижнего конца смотал небольшой узел на уровне своего роста.

— Во, смотрите,—и он начал резко лупить своим оружием по висевшему узлу.

Его нунчаки по очереди резко вылетали из подмышек и точно попадали в узел, вынуждая тот отлетать в сторону.

— Ну как?—ждал аплодисментов исполнитель.

— Классно!—выдал один.

— Вот это да!—вторил другой.

— Мне бы так,—с завистью молвил чернявый в бейсболке.

Вернувшись, Колька взялся помочь по хозяйству сестре, которая с дочерью возилась в огороде. Он накачал воды во все имеющиеся ёмкости, в баню, в дом, накормил скотину, потом пошёл в дровяник, чтобы наколоть дров. Висевшая на балке верёвка мешала замахнуться колуном, порой била его по затылку, поэтому он влез на колоду и укоротил её, подтянув петлю повыше.

Он не без удовольствия колол поленья и думал о сестре, что бабье счастье на трёх китах держится: чтоб не пил, чтоб любил, чтобы деньги приносил; если с двумя «китами» проблемы не было, то с первым, видимо, дело обстоит весьма серьёзно, а вскоре могут и с третьим возникнуть проблемы, когда не в дом тащат, а из дома.

Наколотые дрова он занёс в баню, в дом, а остальные сложил в поленницу.

Николай, безусловно, знал, где можно найти зятя, но идти на поиски не хотел, его никак не привлекала перспектива встречи с местными алконавтами, которые были бы рады отметить его приезд за его же счёт. Ему было нетрудно на машине съездить в гараж, где Генка мог быть «на свалке с Алкашкой», как изволил высказаться Василька.

Колька любил поспорить с Генкой на какие-нибудь злободневные вопросы; в принципе разделяя

его жизненное кредо, он всегда вставал ему в оппозицию и провоцировал его на спор, пытаясь выяснить, насколько Генка мог аргументированно отстаивать свою позицию.

Отец Геннадия был ортодоксальным марксистом-ленинцем, которых полвека назад называли «настоящими коммунистами», и он привил свои взгляды сыну. С развалом великой державы рухнули и коммунистические идеалы, что болезненно сказалось и на мировоззрении Геннадия.

Колька, успев зацепиться в новых экономических реалиях, жизнью был доволен, преуспевал в бизнесе и возврата в «светлое коммунистическое прошлое» не желал, поэтому всегда спорил с Геннадием на общественно-политические темы и порой просто бесил его своими убеждениями. Но если Генка был уже поддатым, то подобных тем Колька старался избегать, дабы не инспирировать эскалацию перманентной классовой конфронтации. Поэтому он не стал его искать, а понадеялся, что можно будет уехать, не повидавшись.

Вечером все успели помыться в бане; парился только Колька, поэтому он пошёл первым. Он с остервенением хлестал себя веником, взобравшись на самую верхнюю полку, в ковшик с водой он добавлял несколько капель экстракта эвкалипта, поэтому по всей парной витал тропический дух. Катька с дочерьми не парилась совсем, а мылись, открыв дверь в парную. Последним мылся Валерик, который пришёл поздно.

Колька лежал на диване, уже вполне обсохнув, и ждал чая с мёдом. Катька ходила по комнате в махровом халате, с полотенцем, накрученным на волосы, как умеют делать лишь женщины.

Во дворе скрипнула калитка, по сеним кто-то прогромыхал, брякнули ведра, дверь открылась, и вошла соседка Люська.

— С лёгким паром, я смотрю, — вместо приветствия сказала она и увидела гостя. — Да никак Колька приехал? А я-то тебя издалека не признала, когда ты в речке бултыхался. Надолго к нам?

— Да поутру уеду уже, так что ненадолго.

— Катерина, — тут же она крикнула хозяйку, — а твой опять дебош устроил у Хандоги, всех там побил, говорят, Бай насилу убежал, не то и ему бы досталось. В комнате Багон лежит весь в крови, не убил бы кого ненароком. Хотели милицию вызвать, да Потапыч не велел: Генка может оказать сопротивление, посадят, — а зайти никто не смеет, пойдй заberi его, мало ли чего...

— Ага, послушает он меня, — ответила Катерина, — для него пьяного никаких авторитетов не существует. Если только сам придёт.

— Может, мне сходить? — предложил Николай.

— Нет, пустое, — обыденно произнесла Катерина, — тут по-другому надо. Сыночка! — окликнула она сына.

Из детской выбежал Василька и, подпрыгнув, остановился.

— Сына, иди с тётёй Люсей, папу приведи, хватит ему балду пинать.

Василька огляделся по сторонам и спросил:

— А где мои сольтики? Не пойду зэ так, босиком.

— Куда положил, там и ищи.

— Я там везде иссил, нигде нет.

Катерина пошла в детскую и вынесла сыну шортики.

— На, растеряха! Ищил ты, — передразнила она сына и, повернувшись к брату, сказала: — Сейчас придёт. Как миленький.

— Что, Родину не любишь? — ревел Генка, тормоша кого-то, кто лежал на диване, глаз его заплывал синяком, а из опухшей губы стекала кровь. Он либо был без сознания, либо просто прикидывался, чтобы не получить добавки. — Что она вам сделала плохого? Вам досталась такая огромная страна, богатейшая, а вы ползаете по ней, как воши, питаетесь её плодами и тут же гадите, где живёте.

Он оставил его и двинулся в зал, где на полу ничком лежал другой пострадавший, под головой которого расплылась кровавая лужа от разбитого носа. — А тебе чего не хватало, а? — слегка пнул он лежавшего, но тот не подавал признаков жизни.

Тогда Генка оставил его, вернулся к столу, за которым ещё сидели собутыльники, очередь которых ещё не настала, сел на табурет и толкнул одного слегка:

— А ты, Бродя, тоже Родиной недоволен?

— Почему недоволен? Доволен, — поспешил тот отозваться, чтобы его не настигла участь других участников совместного распития спиртных напитков; да он и в самом деле не имел особых претензий к своей Отчизне.

— Родина у нас самая лучшая, — продолжил Геннадий. — Население бы поменять, такую бы державу забабахали, не то что коммунизм — развитой зумбадктизм построили бы.

Генка оглядел поверхность стола, на котором стояли стаканы, нехитрая закуска, свойственная лишь холостяцкому столу, нашёл стакан, наполовину наполненный мутноватой жидкостью, выпил содержимое, крикнул, не стал закусывать и, положив на стол согнутые в локтях и скрещённые руки, продолжил начатую лекцию:

— Вы вот евреев не любите, а за что? Завидуете. Они ведь в любом положении при малейшей возможности стараются помочь друг другу. А эти, которых вы чурками обзываете, тоже ведь всегда готовы помочь своему соплеменнику. А вы так и норовите нагадить в карман своему соотечественнику-россиянину и называете это приколом.

Он толкнул второго собутыльника, который сидел за столом с закрытыми глазами, опершись щекой на ладонь, и прикидывался спящим. Его

единственным желанием было найти какой-нибудь повод, чтобы исчезнуть отсюда, и он завидовал Баеву, который ухитрился смыться, избежав Генкиных кулаков.

— Ты слышишь меня, Хандога?

— Слышу, — пробормотал тот.

— Вот тебе уже под сорок, а зачем ты жил? Ни семьи, ни жены, ни детей, даже барахла не нашёл. Доброго имени и то не имеешь, — стал читать ему нравоучение Генка. — Тебя по имени никто давно не зовёт, а отчество твоё даже я не помню. Бродя, — обратился он к другому собутыльнику, — ты не знаешь, как его по батюшке?

Он ткнул Хандогу по руке, которой тот подпирал лицо. Голова Хандоги, потеряв опору, дёрнулась, и он открыл глаза.

— Борисыч, — пробормотал он.

— Точно, дядя Боря всех заберёт, — загоготал Генка. — А ведь его все Хомычем звали, вот и ты так же кончишь, как твой отец. Сегодня вас закопают, а завтра вас забудут, отбросы человеческого общества, никто вас добром не помянёт.

— А ты, значит, лучше нас? — осмелился возразить Бродя.

— Да я такое же дерьмо, как и вы, — неожиданно и самокритично согласился Генка, — только я осознаю это, а вы нет.

Он замолчал, видимо, пытаясь вспомнить мысль, от которой вдруг внезапно отклонился, потом продолжил.

— Вот у нас в учебке сержант был, Игорь Маликов... — начал было он.

— Ну, раз Игорь, — приподнял голову Бродя и осклабился, показав кривые и редкие зубы коричневого цвета, — то наверняка сволочь.

— Эт точно, — не поднимая головы, поддакнул Хандога.

...Ну, такая сволочь с плоской пассатижной рожей и маленькими поросычьими глазками, — продолжил Генка, скривил такую мерзкую мину, которая никак не могла принадлежать сержанту Советской Армии, и сжал кулаки до хруста в суставах, — даже улыбаться не умел, не человек, а огромный кусок дерьма. Он даже своих земляков, брянских, чморил, издевался, а кавказцев трогать боялся, потому что они всегда заступались за своих и могли ему же накостылять. А нас, салаг, свои же русские парни чморили. Почему те не чморят своих, а мы... — он замолчал, задумавшись, потом продолжил: — ...готовы друг другу горло перегрызть на потеху врагам.

— Эт точно... — промычал Хандога, не зная, что ответить.

— Давай наливай, что ли, — относительно миролюбиво скомандовал Генка. — Есть там ещё?

Бродя взял банку, на дне которой ещё плескалась какая-то жидкая субстанция, и налил в три стакана понемногу.

— Вот ты подумай, — Генка бесцеремонно схватил Хандогу за плечо и слегка потряс его, привлекая к себе его внимание, — вот евреям в тысяча девятьсот сорок восьмом году выделили клочок земли, единственный на Ближнем Востоке, где нет нефти, а они там за четверть века такую страну создали, что мы стали искать в себе еврейскую кровь, чтобы уехать туда. А Сингапур! Ведь этот каменный остров меньше нашего района в несколько раз, там даже воды своей нет, но они там рай построили совместными усилиями, а мы за тысячу лет даже дорог не можем построить. И кто виноват?

— Правительство, кто же ещё? Чиновники, — высказал свою точку зрения Бродя, — воруют миллиардами.

— Чиновники, правительство... — передразнил Генка и взял в руку стакан. — Кто угодно, но не мы сами, да? Где этот Бай? — он огляделся. — Сбежал, ка-а-азёл, я бы ему объяснил, кто виноват. Копейкой, падал, не поможешь, но тысячу не пожалеет, чтобы нагадить своему же земляку, другу, соседу. Горбач у него виноват. Была огромная держава с мощной экономикой, сильной армией. И неизвестно откуда появляется какой-то Горбач и в одиночку за одну пятилетку разрушает до основания то, что создавали веками. Так, что ли?

— Выходит, что так, — решил согласиться с ним Бродя, не зная, что ответить.

— А вы где были в это время? Почему допустили? Почему не вмешались?

— Я тогда в армии был, — нашёл тот себе оправдание

— Вот мы с Китаем на равных были, когда начинали, а потом социализм рухнул у нас обоих, помнишь, ещё до армии?

— Угу, — закивал головой Бродя, хотя не помнил ничего и не понимал, при чём тут Китай.

— Хотя промышленность у нас была мощнее. Не прошло и двадцати лет, а сравни, как у них и как у нас. Не мы, а они завалили весь мир ширпотребом. А почему?

— Ну, сравнил. Да их в десять раз больше, — Бродя был, пожалуй, единственный из постоянных собутыльников, осмеливавшийся возражать пьяному Геннадию, но после учинённого тут побоища он предпочёл не бесить Генку своим мнением по обсуждаемому вопросу, тем более что своего мнения не имел никогда и обычно занимал конформистскую позицию, соглашаясь с тем, кто сильнее физически. — Да они просто не мешают друг другу работать, обогащаться, вот и всё. Разве мы не могли надевать игрушки, которыми они наших детей травят, кошельков, которые рвутся через месяц, а? Могли. Да только попробуй, тебе со всех сторон столько рогаток наставят, сотню бумаг надо собрать, подписи ненужные, кредита хрен добьёшься. А начнём работать, тут же свора проверяющих налетит: СЭС, налоговая, пожарники, прокуратура, менты,

надзорные органы, каждый будет искать, как бы тебя придушить. Где такая бумажка? Где накладная? А где подпись бухгалтера? Почему печать не круглая? Огнетушитель не тот, сертификат просроченный. И много всяких причин найдут, инструкций с довоенных времён, которые некому отменить, и всё—чтобы не дать тебе работать, платить налоги; а если пойдёт у тебя дело, то какой-нибудь большой чиновник из Москвы отожмёт твой бизнес. Подождут в крайнем случае. А в Китае такого нет, вот в чём причина,— продолжил он импровизированную лекцию.—Они гонят за бугор всякий контрафакт, а правительство не препятствует, получая с этого налоги. Весь мир возмущается, ноты протеста шлют, а китайцы их всех посылают обратно. Промышленность растёт, налоги поступают, они по ввп уже Америку догнали, а мы с Занзибаром соревнуемся. И всё из-за нашего менталитета. Ты сидел? Сидел. Я тоже, а Иванов нет, давай посадим. У тебя дом есть? Нет. И у меня нет, а у Петрова есть. Давай подожжём. А у евреев наоборот: Абрам, у тебя машина есть, у меня есть, а у Мойши нет, давай ему купим. Каждый в тебе видит не честного человека, а мерзавца, вора, жулика: этот документ ты мог на принтере сделать, а этот купить в подземном переходе, а этот украл, убив хозяина.

Он почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Обернувшись, он увидел сына, от этого его физиономия, секунду назад свирепая до омерзения, расплылась в ослепительной улыбке.

— Василька!— глаза отца сияли от счастья.— Ты как тут очутился?

Малец взял отца за палец и потянул на себя: — Папа, айда домой, хватит балду пинать, мама зовёт.

— Сейчас, мой маленький,— Генка поставил стакан на стол и погладил своей широченной ладошкой сына по голове, он намеревался взять его на руки.— Конечно же, пойдём.

Но малец легко отвёл его руку и скомандовал: — Вставай, пошли, кому говол!

Нисколько не сопротивляясь, словно пластилиновый, забыв, где он находится, что творится вокруг, что на столе стоят наполненные стаканы, он не спеша поднялся и двинулся вслед за Василькой.

Они неторопливо, беседуя, вышли из калитки, не обращая никакого внимания на столпившихся неподалёку сельчан, которым напоминали огромного слона, которого вёл на поводу маленький индийский погонщик. Кто-то из женщин быстро юркнул в калитку, чтобы выяснять, какой погром на этот раз устроил Геннадий, обошлось ли без жертв, нужна ли первая медицинская помощь. — Нет, ну надо же, а...— пробормотала, глядя им вслед и качая головой, бабка Махорка.

Для Генки уже ничего не существовало, весь мир сузился до сына, с которым он заплетающимся

языком вёл серьёзную беседу, и по его лицу было видно, что нет более миролюбивого человека, чем он. Геннадий послушно плёлся за сыном.

— Папа, сделай мне умулюхи,— попросил Василька. — Конечно, сделаю,— пообещал отец.— Тебе какие— пропорционально-перпендикулярные или интегрально-дифференциальные?— шутил Генка над сыном, еле выговаривая заплетающимся языком такие сложные словесные конструкции.

Василька промолчал; если слово «умулюхи», сделать которые отец обещал, он запомнил сразу, то остальные мудрёные слова он не мог ни произнести, ни запомнить.

— Папа, а у меня дома попок есть,— переключил он тему беседы.

— Попок?...— озадачился отец, стараясь нетрезвыми мозгами сообразить, о чём идёт речь, но от серьёзного мужского разговора уклоняться не стал.— Это, конечно же, вещь. Жизнь без попка, брат, как водка без градусов.

Василька внезапно остановился и повернулся к отцу, что-то вспомнив.

— Нет, два попка,— он на другой руке растопырил большой и указательный пальцы, показал отцу,— один тебе, а длугой мне.

— Ну конечно же,— одобрил отец и решил выяснить назначение загадочных попков.— А для чего нам эти попки? Что мы с ними будем делать?

— Как сё? Лыбу ловить,— удивился Василёк непонятности отца.

— Попок, чтобы рыбу ловить?— вновь не понял отец.

— Да не попок!— вдруг захохотал Василька и, повернувшись к отцу, раздельно произнёс: — Па-плы-вок! — А-а-а... поплавок!— обрадовался Генка наконец-то решённому вопросу.— Конечно, без поплавка никакая рыба не клюнет, даже шелешпёр.

Со стороны казалось, что отец ведёт ребёнка за руку, хотя на самом деле ребёнок вёл отца домой.

Геннадий проснулся от страшной сухости во рту, даже плюнуть было нечем, давление в мочевом пузыре превышало все допустимые нормы. Он встал с тахты, на которой уснул, не раздеваясь, и пошёл во двор, в сенях ковшиком зачерпнул холодной воды и утолил жажду.

Вид курившего на крыльце шурина слегка озадачил его.

— Во!— вырвалось у него, и он стал припоминать фрагменты вчерашнего вечернего застолья, смутно вспомнив лишь начало.— Не-е-е... это какой-то лапец,— пробурчал он и проследовал в дровяник.

Через минуту оттуда послышался негромкое: — Колька!..

— Чего тебе?— отозвался шурина.

— Поди-ка сюда.

Колька лениво встал и направился на зов. В дровянике возле колоды стоял Генка и пристально

смотрел на висевшую верёвку. Одной рукой он пытался заправить трико, а другая его рука медленно поднялась, и его указательный палец показал на петлю.

— Это что, я?... — еле выдавил он из себя.

Николаю показалось, что лицо Генки было бледно, его челюсть отвисла, и оттого казалось, что лицо вытянулось, глаза были широко раскрыты, и в них можно было прочесть животный страх.

— Ну не я же, — не нашёл Колька другого ответа, не понимая, что происходит в душе зятя. — Не помнишь, что ли?

— ...твою мать, — медленно произнёс Генка, выходя из дровяника. — А я думал, что все эти кошмары мне приснились.

Он двигался к дому с видом приговорённого, которого вели на эшафот.

— Ну где же приснилось? — начал наконец-то понимать Колька, что так потрясло зятя, попутно соображая, как можно над ним подшутить. — Если бы не я...

Генка доплёлся до крыльца, еле передвигая ногами, кое-как поднялся по ступенькам, остановился перед дверью, взявшись за дверную ручку, потом через силу обернулся в сторону дровяника, его кадык судорожно дёрнулся вверх, и он не спеша вошёл в избу, тихо затворив за собой дверь.

«Вот оно что! — дошёл до Кольки смысл произошедшего. — Надо это как-то использовать на благо всего прогрессивного человечества», — подумал он.

Загасив чинарик, он направился в огород, на ходу додумывая детали возникшей идеи. Катерина уже успела подоить корову, накормить живность и возле огуречной грядки собирала свежие огурцы, чтобы снабдить брата огородной растительностью, которой не хватало в городе. Она знала, что брат уважал зелень и всегда считал, что мясо и рыба — всего лишь прекрасный повод ею наесться.

— Катюха! — окликнул он сестру, воровато озираясь по сторонам. — У тебя появился шанс, другого тебе Господь уже не пошлёт.

— Какой шанс? О чём ты? — не поняла она, выпрямившись и глядя на его лицо, озарённое какой-то гениальной идеей.

— Хочешь Генку от пьянки отлучить?

— Ну, хочу.

— Я тебе надьсь про стресс рассказывал, помнишь?

— Ну, — кивнула она.

— Там, в дровянике, верёвка висит, — начал он вводить её в курс дела, — пацаны вчера повесили. Генка сейчас увидел, и торкнуло ему в башку, что это он ночью вздёрнуться решил, прикидываешь?

— Ну, — опять кивнула она, не понимая ещё всего задуманного.

— Ты бы видела его физиономию... — глаза Кольки расширились, и в них засверкали озорные искорки. — Я не стал ему говорить правду, а только

поддакнул: мол, вот до чего ты допился. Он был потрясён. Он же ничего не помнит, — перешёл он на шёпот.

— Ну и чё? — не до конца понимала сестра, как это связано с пьянством.

— Как чё? — продолжал брат. — Ему ещё кошмары приснились, видать, на эту тему. Надо использовать момент и добить его окончательно.

— А как? — Катерина застыла в ожидании спасительной идеи.

— Как, как... Тебе надо сыграть свою роль хорошо, — стал объяснять он подробности. — Представь себе, что он и вправду ночью пошёл вешаться, а я его случайно спас.

— А что сыграть-то, как? — не понимала сестра до конца своей роли.

— Что, что... — начал выходить из себя Колька от женской бестолковости. — Поплачь, порыдай, истерику устрой. Надо ему внушить, что он чуть не вздёрнулся, — начал он объяснять актрисе сверхзадачу роли. — Мол, вдовой хотел оставить, детей осиротить, сына кто воспитает и прочее такое...

— Ой. Да ну тебя, — махнула она рукой разочарованно, — придумаешь тоже.

— Мать твою за ногу! — обозлился Колька женской глупости, которая грозила сорвать такое мероприятие. — Чей муж пьёт, твой или Дунькин? Ты хочешь, чтобы он наяву повесился от водки, как покойный Хомыч? Ей дают шанс мужа от пьянки отвратить, а она ещё ерепенится. Языком шевельнуть не хочет ради своего семейного счастья. Ну и живи с алкоголиком, если тебе нравится.

Он сплюнул с досады и уже повернулся, чтобы прекратить бессмысленную затею и уйти, но сестра его остановила.

— А если не получится? — немного поддалась она. — Ну и хрен с ним, — всё ещё горячился брат. — Что мы теряем? А вдруг сработает? Ведь это шанс, его надо использовать, и это тебе надо, не мне, не Дуньке с маслобойки.

— Ну что я должна сделать? — почти согласилась она, инстинктивно чувствуя, что мысль всё-таки стоящая.

— Я же тебе сказал, — всё ещё раздражённо стал он объяснять подробности, понизив голос, опасаясь, что могут услышать. — Сначала внуши себе, что это правда, так тебе будет легче убедить его, а я подыграю. Плачь, причитай, голоси, чтоб его до печёнок пробрало.

— Даже не знаю... — засомневалась она, но наконец решила, осознав, что брат говорит дело. — Как это всё сделать?

— Ну ты же артисткой мечтала стать, в клубе постоянно выступала, получится, не сомневайся, — ободрил он её и кинул хорошего леща: — Ты же талантливая.

Катерина действительно в юности мечтала стать актрисой, хотела после школы поступить

в театральное училище, но пришлось выйти замуж «по залёту», тут настали «лихие девяностые», а потом семейный быт поставил крест на её мечте. Колька ободряюще мигнул сестре, видя, что убедил, и, оставив её вживаться в образ, направился в дом обрабатывать «жертву».

Генка лежал на тахте навзничь, прикрыв глаза ладонью; было видно, что он не спал и переживал случившееся. Возле двери у порога сидел на горшке Василька, сосредоточенно кряхтя.

— Что, Василька, обкакался? — напустив на себя суровость, упрекнул его дядя.

— А сё? — поднял на него глазёнки малец и, тужась, ответил: — В станы-то не накакал.

— А-а-а-а... — одобрительно отозвался Колька. — Ну, раз в штаны не накакал, тогда всё путём.

Он прошёл к окну, посмотрел на улицу и задумчиво произнёс не для Васильки, а для его отца:

— Да, Василёк, стал бы ты сегодня сиротой, если бы я хоть на минуту замешкался, — начал он капать на мозги Генке, который всё слышал. — Остался бы без папки и рос бы безотцовщиной в бабьем царстве. Никто бы тебя на рыбалку не водил, велосипед бы не купил.

Он повернулся к Васильке и, искоса глянув на Генку, продолжил капать ему на мозги.

— Чтобы мужика воспитать, в доме мужик должен быть, — продолжал Колька, уже поверив в сочинённую им же легенду, — так-то, парень. Кто бы тогда тебя мужиком воспитал? На кого бы ты стал похож — на мамку, Любку?

Ребёнок слушал, что говорил дядя, не понимая смысла, но зато отец всё слышал и понимал, что он мог натворить в пьяном виде.

Колька думал, как бы ещё зацепить Генку за живое, чтобы добить окончательно. Василька тем временем встал с горшка, оглянулся на результат, потом самостоятельно подтёрся, накрыл горшок крышкой и натянул трусики.

Потом он подошёл к отцу и внёс свою лепту в начавшуюся «экзекуцию». Василька обнял отца за шею и прижался к его щеке.

— Мой папа, люблю, никому не отдам, — бормотал он, глядя его по щеке, потом спросил: — Ты зэ мой папа, не мамин, не Любин?

Генка всхлипнул, свободной рукой он притянул сына к себе и поцеловал в щёку. Колька видел, как из-под другой его ладони текли слёзы по щекам, по подбородку. «Клиент, кажется, созрел, молодец, бультинчик, — подумал он, оценивая происходящее. — Если ещё Катька хорошо сыграет свою роль, то совместными усилиями мы его сломаем».

Послышалось ещё всхлипы, было понятно, что Генка плакал, чего с ним не случалось уже лет тридцать. Он сел на тахту, вытер ладонью слёзы, ему было стыдно показывать свою слабость сыну. — Папа, а посему ты пласес? — спросил Василька, впервые увидев плачущего отца. — Тебя кто обидел?

— Никто, — застеснялся Генка и погладил сына по голове. — Башка чё-то болит.

— А кто тебя по баске стукнул? — поинтересовался Василька. — Дядя Коля?

— Никто не стукнул, — скривил улыбку отец. — Чтобы башка заболела, не обязательно по ней стукать, понимаешь? Поди посмотри, где мама, — решил он отослать ребёнка от себя.

— Это он в поезде с полки упал, — решил пошутить Колька, — прямо башкой вниз. Как пили — помнит, как утром на двор выходил — помнит, в середине отрезало.

Генка помотал головой, подобрал какую-то тряпку и высморкался в неё, потом вытер слёзы и опять лёг ничком на тахту, уткнувшись в подушку.

Василька побежал к двери, но она отворилась, и в избу вошла Катерина, на её глазах видны были слёзы. Она вопросительно глянула на брата, а тот утвердительно кивнул, слегка шевельнув указательным пальцем в сторону Генки.

— Да вот, Катюха, ещё пару пьянок, и быть тебе вдовой.

— Да что же ты, паршивец, надумал? — заголова Катерина, и слёзы тут же полились из её глаз. — А обо мне ты подумал? А о детях? Как я одна их воспитаю?

Она ушла на кухню, села за стол и продолжала причитать.

— Я ведь люблю тебя, свою молодость тебе отдала, карьере свою погубила. А ты! Ну за что мне такое наказание? И всё ради бутылки. Ребёнок отца раз в неделю видит, да и то пьяного. А без отца как? Кто сыну обещанные умулюхи сделает — Хандога, Бродя?

— Что это за умулюхи такие? — Колька никогда раньше не слышал этого слова.

— А бес его знает? Ребёнок уже месяц просит отца сделать умулюхи, а тому всё недосуг, пьянка важнее, — и она вновь залилась плачем.

— Хорошо, я покурить вышел, — продолжил играть свою роль Колька, намекая сестре, как оно было на самом деле. — Думаю, что это он так долго, уже дважды по-большому можно было сходить, глянул, а он — мать честная! — уже на чурку взгромоздился...

Василька смотрел на родителей и пытался понять, что случилось, почему они плачут. Ну, папа, понятное дело, с полки упал и сильно башкой треснулся, а мама где стукнулась? Может, им дядя Коля обоим по башке стукнул? Сам-то он не плачет. — У папы голова болит, — стал успокаивать ребёнка Колька, — а мама его жалеет. Вот вылетит из папки голова, мамка плакать перестанет. А папа тебе всяких умулюхов наделает, иначе какой же он мужик, если слово не держит? Фуфлыжник, а не мужик. — Надумаешь опять вешаться, — продолжала Катерина уже как-то вполне серьёзно, что и Колька поверил в её искренность, — на втором конце для меня сделай петлю, не буду без тебя жить. Пусть

детей в детский дом заберут, а Васильку кто-нибудь усыновит— может, приёмный отец будет нормальный, а не пьянь деревенская.

Катерина вдруг перестала плакать и стала собираться на стол, а Колька пошёл будить Валерку; девчонок решили не будить, пусть спят, рано ещё.— Я тебе там зелени нарвала, сметану возьмёшь, творогу, молока, не прокиснет, пока доедешь.

Они молча позавтракали, заговорщицки перемигиваясь, не скрывая улыбок, порой мелькавших на их лицах. Позавтракав, собраться было не долго. Катерина понесла к автомобилю охапку зелени, Колька заглянул в зал:

— Ну, бывай здоров, Геннадий, поехали мы.

Не услышав ответа, он взял свою сумку, пакеты с молоком, сметаной и творогом и вышел во двор. Валерик уже завёл двигатель и сидел на пассажирском сиденье, а возле него вертелся Василька, тыкая пальцами на рычаги и кнопки с вопросом: «А это сё? А засем?»— и, не получив ответа, тыкал на другую кнопку с тем же вопросом. Катерина складывала зелень на заднем сиденье, передавая приветы каждому, кого брат повстречает. Как скрипнула дверь, она не слышала, а Колька, глянув в зеркало заднего вида, увидел Генку. Он импульсивно хотел обернуться, но мгновенно передумал и тут же нарочито громко, чтобы услышал зять, сказал:

— Ты не переживай, Катюха, Генка— мужик волевой, с характером, я в него верю, он если цель какую наметил, то его никакая преграда не остановит.

Катерина не поняла, почему брат ни с того ни с сего сменил тему разговора, но услышала скрип ступенек, обернулась и выпрямилась, Николай тоже обернулся. Генка спустился, молча подошёл и так же молча обнял шурину, потом еле слышно произнёс.

— Спасибо, брат.

Он повернулся и медленно направился в сторону огорода, видимо, по нужде. Колька смотрел на его сгорбленную спину, и в сердце защемило, будто видит его в последний раз. Как близко он был от истины!

— Только никому и ни-ни,— тихо произнёс он сестре и сел за руль.— Думаю, что этого уже достаточно, а больше никому ничего знать не следует.

Катерина пошла отворять ворота, Колька включил передачу, газанул и, махнув на прощание ладонью, выехал.

Колька не смог приехать ни на похороны, ни на поминки. Лишь вернувшись из командировки, он всё-таки выкроил время для поездки к сестре, которую постигло горе.

Было ещё не поздно, но на улице давно стемнело. Возвратившись с погоста, Николай с Катериной сидели на кухне за столом визави, пили чай, и он слушал подробности случившегося.

— ...Ну вот, неделю он ходил сам не свой, как подменили его, и с того времени бросил он пить окончательно,— продолжала она,— как отрубил, без всяких кодирований, сработала, видать, твоя хитрость. Никаких тебе собутыльников, с работы— сразу домой, в хозяйстве всё спорилось, скотина накормлена, стайки вычищены, крышу перекрыл, в бане новую печь сложил, теплицу построил.

Колька в суматохе не обратил внимания, что дом стал совсем другим не только снаружи, но и внутри, а что изменилось в хозяйстве, не успел рассмотреть.— А уж Василька от отца ни на шаг— где отец, там и он; всегда его с собой брал— и на покос, и по грибы, на рыбалку, даже спали вместе, плавать его научил, в шахматы играть, в карты, читать и писать, до ста считал в уме. Даже хотели сразу во второй класс его записать, да ему семи лет ещё не исполнилось, поэтому отказали.

— А эти фиговины-то сделал сыну?

— Какие?— не поняла Катерина.

— Ну, ты говорила в тот раз, что Василька целый месяц просил отца сделать. Как их называют-то? Чёрт, слово ещё такое непонятное.

— А-а-а, умулюхи, что ли?

— Во-во,— обрадовался Колька.

— Нет, никто даже не знает, что это такое, даже слова такого никто никогда не слышал. Откуда он это слово нашёл, так и осталось тайной.

Она задумалась, глядя в пол, потом вытерла кончиком платка наверхушую слезу и продолжила.

— ...В тот день Генка с утра на пасеку уехал с Аркашкой. Василька с другом дома бесились, стекло межкомнатной двери разбились нечаянно, и он весь порезался. Всё бы ничего, но один большой осколок глубоко впился под мышку и повредил какую-то крупную артерию... Мне потом врачи сказали, что не надо было его вынимать, кровь бы не так хлестала. Да кто бы знал... ребёнок кричит, кровь хлещет, а остановить не можем, жгут не наложишь.

— А скорую вызывали?

— Ну конечно, сразу же позвонили. Но она едва ли одолеет гору Сарби-тау в такую слякоть, дожди неделю шли, не переставая, там только внедорожники могут подняться, поэтому решили везти ребёнка навстречу, быстрее будет, а там, под горой у Альфатского сворота, и заберут его.

Колька слушал подробности, которых не знал, и не перебивал рассказчицу.

— Ну, быстренько побежали искать машину, ближе всех Тимур Баев, у него внедорожник, к нему и побежали, время-то дорого.

Она замолчала, не зная, как продолжить, а брат зачерпнул ложку варенья, направил его в рот и хлебнул уже остывший чай.

— Ну и...— поторопил он её.

— А он как упёрся, скотина: нет, и всё. Вот насмерть стоит, всякие отговорки выдумывает, а ребёнок

кровью исходит: и что устал с работы, и что с утра не ел ничего, и про бензин, и что с похмелья... В общем, ни в какую. Я ему и денег предлагала сколько запросит...

— Да тут езды-то до горы километров пять,— вставил своё мнение брат,— на «Крузере» даже по грязи минут пятнадцать.

— ...Минут двадцать я его умоляла,— она что-то пробурчала, награждая Тимура какими-то неслестными эпитетами,— только время зря потеряла. Лучше бы сразу к Шапику обратилась.

— Шапику?— удивился брат.— А у него откуда машина? Бич колхозный, вечно балдой, не зря же его Сутрапьяном кликали.

— Так он же на «Беларуси» работает.

— Ну и чё, поехал?

— Растолкали его кое-как, кривой был, как турецкая сабля. Когда понял, в чём дело, хлопнул полстакана самогона, завёл свой трактор— и поехали.

— Да,— согласился брат,— он безотказный, как АК-47,— и добавил задумчиво:— Может, потому он такой бедный, что не жадобик, всегда готов помочь, даже бескорыстно, а все этим пользуются. Тимур—его антипод, хотя они вроде родня, своё не упустит, с чужого горла вырвет, как что ему— так все должны, а как с него чего— так хрен допросишься, вот как ты говоришь, насмерть будет стоять. Какая-то тут несправедливость, что добрые люди живут хуже плохих.

Он замолчал, Катерина тоже молчала. В зале тикали ходики, отмеряя время, в соседнем дворе беззлобно тьякал пёс, давая всем понять, что территория находится под надёжной охраной, в стойке мычала корова. Потом Катерина продолжила:— ...Под горой нас уже ждала скорая, сели в неё. Я осталась ждать в приёмном покое, а его унесли. И полчаса не прошло— спускается врач, я на его лице всё прочитала. Говорит, что умер на операционном столе, много крови потерял, если бы на полчаса раньше, хотя бы минут на двадцать...— губы её задрожали, и из глаз опять полились слёзы. — Да они всегда так говорят: вот если бы ты сразу, то мы бы... а так сам виноват,— решил он успокоить сестру и немного отвлечь от скорбных мыслей.— Опять же, если умрёт на операционном столе— не оправдаешься потом. Вот год назад слух у меня внезапно и резко ухудшился на правое ухо, простудил, видать. Я, не мешкая, ринулся в поликлинику, денег с собой взял пятьсот баксов на возможные расходы. И что ты думаешь? В регистратуре сказали, что ушник в отпуске и будет после праздников, давай тебя к терапевту запишем. А на фига он мне, да ещё на неделю вперёд? Мне каждый день дорог. Я прошу дать направление куда-нибудь, где есть ушник, а они: мы направлений не даём. Почему, не объясняют: не даём, и всё. Я предлагал им месячную зарплату медика, чтобы направили к специалисту. Хрен там,

кучу бабок по-лёгкому срубить не хотят. Я в другую поликлинику, а там чужих не принимают, говорят: мол, не положено, что надо оттуда открепиться, а здесь прикрепиться... денег, наверное, хотели взять, а помочь ни в какую. Зашёл в платную поликлинику, а там ушника нет.

Сестра слушала внимательно, забыв о своём горе, даже всхлипывать перестала.

— ...В общем, когда попал к ушнику, новогодние каникулы прошли, а он тоже: что же вы сразу не пришли? вот тогда бы мы... Я аж захлебнулся от возмущения и всё ему там высказал. Так и лишился слуха на одно ухо... —и он, не стесняясь дамы, стал ругать всех эскулапов такими словами, которые писать было бы неприлично.

Тут уж сестре пришлось успокаивать брата, возмущавшегося преступным равнодушием отечественных медиков, не желавших помогать пациентам даже за весьма приличное вознаграждение.

Она опять залилась горькими слезами, часто сморкаясь в кончики платка. Коля молча смотрел на неё, изредка прихлёбывая чай. Он только сейчас осознал, как она изменилась за это время. То, что она сильно похудела, может, и было неплохо, но и на лицо она постарела лет на восемь-десять, появились глубокие морщины возле глаз, которые уже не горели девичьим задором, из-под платка пробивалась первая седина, да и сидела она, как-то ссутулившись, по-старушечьи сложив ладони на коленях. Он даже не слушал, что она рассказывала. — ...Слегла я, да и простыла, пока шла пешком от Сарби-горы. А Генка весь вечер был не в своей тарелке, ходил смурной, ни с кем не разговаривал. Чего-то в нём не хватало, будто неживой какой-то. Я потом поняла, что души в нём уже не было.

— А тень отбрасывал?—хотел пошутить Колька, чтобы как-то оживить разговор.

— Да какая там тень?—не поняла она юмора.— Он сам превратился в тень. Ну, достал бутылку, налил себе стакан и выпил, это мне потом Верочка уже рассказывала, долго сидел, тупо глядя в угол, потом куда-то ушёл, вскоре вернулся, опять налил и со словами: «Царство ему небесное»,— выпил. Потом дотемна сидел за столом, обхватив голову руками, и незаметно вышел. Часа через два забегает соседка Люська, говорит, что Тимура убили. Прибегаем туда, народ толпится, Тимур ножом у стены прибитый стоит, насквозь проткнутый. Я как увидела нож, так и обомлела: Генкин нож, которым он скотину колет. Сейчас ещё его посадят и... —она опять не совладала с чувствами и запричитала:— Ну за что мне столько горя и всё сразу? Ну за что?... Ну чем я согрешила перед Господом?..

Колька представил, как тощий, тщедушный Тимур стоит пришибленный к стенке ножом, а сестра проплакалась и продолжила:

— ...Поплелась домой совсем не живая, ничего не понимая: ведь придут сейчас, заберут, а Васильку

как хоронить? Прохожу мимо дровяника, и тут сердце почуяло, что он рядом, я аж вздрогнула. Глянула в дровяник, а он там висит, где в тот раз петля висела, и глаза открыты. Я как увидела, так и упала там без чувств. Что было потом, помню смутно или совсем не помню. Соседка Наташка за мной смотрела, Верочка ни на шаг не отходила, потом его родня приехала. И похороны почти не помню, в горячке была, родственники этим занимались. Хотели в одном гробу похоронить, но старики сказали, что нельзя, так в одну могилу оба гроба и опустили. Родственники Тимура пытались возмутиться, что самоубийц положено за оградой хоронить, но их никто не слушал, его в тот же день хоронили в другом конце погоста, но народ весь у нас был, очень осуждали люди Тимура, ведь из-за него все погибли. И на поминки все к нам шли.

В залебрякнули часы, и кукушка стала отсчитывать время. «Двенадцать»,— сосчитал Колька. Пора закругляться, рано утром вставать.

— Ну ладно, засиделись мы с тобой, пора ложиться, — он встал. — Спасибо за угощение. Завтра поутру ехать надо.

— На сорок дней приедешь? — спросила Катерина брата.

— Нет, — покачал он головой, — не получится, на следующей неделе опять командировка. Может, Ленку отправлю, если поедет. Ты уж не обессудь, а помянуть их я и там смогу.

— Да это понятно.

— Я тебе денег оставлю завтра, напomini, если забуду.

— Да не, — запротестовала она, — не надо. Зачем ты так?

— Ну как «не надо»?.. Похороны, поминки, ограда, памятник — всё это сильно бьёт по бюджету. Нынче дешевле тройню родить, чем одного похоронить. Я-то не бедствую, а на тебе три иждивенца. Да и как не помочь родным людям?

Уличный фонарь слабо освещал угол палисадника, был слышен шелест листьев, которые ещё не сумел сдуть со старого тополя холодный октябрьский ветер.

И под шелест этих листьев Колька, уже лёжа под одеялом, незаметно погрузился в объятия Морфея, и самое последнее, что он увидел, прежде чем крепко уснуть, — это Василька, улетающий черешню.